

М. М. Морозов

Модест Иванович Писарев

М. Морозов. Шекспир, Бернс, Шоу...

М., "Искусство", 1967

Автор вступительной статьи и составитель сборника и редактор Ю. Шведов

OCR Бычков М.Н. <mailto:bmn@lib.ru>

Бывают актеры бурного, неудержимого, их самих захлестывающего темперамента, которые сразу захватывают зрителей, как бы оглушают их силой страсти. Достаточно вспомнить П. С. Мочалова или П. А. Стрепетову. Воссоздать образы таких актеров - благодарная задача, поскольку уже сами по себе достаточно красноречивы дошедшие до нас восторженные высказывания зрителей. Но бывают актеры иного типа, которые создают свои роли упорным и тщательным обдумыванием деталей, взвешиванием каждого произносимого со сцены слова, каждого движения, душевного и физического. Писать о них гораздо труднее, поскольку их образы, запечатленные в высказываниях современников, обычно кажутся сначала несколько скучными.

Но это только первое впечатление. Вглядываясь в них пристальнее, мы узнаем, что и им бывал открыт путь к вершинам подлинного искусства, что и их творчество порой принадлежало к значительным вехам на пути развития русского театра, что и их труд бывал озарен настоящим огнем вдохновения. Знакомство с ними поучительно. Оно нередко показывает на живом примере, каких больших достижений путем упорной работы над собой может добиться актер, и не наделенный от природы исключительно ярким дарованием. Оно интересно и с исторической точки зрения, так как открывает перед нами содержательные страницы истории театра. Вот почему значительный интерес представляет творческая биография Модеста Ивановича Писарева, принадлежащего к ведущим актерам или, как тогда говорили, "китам" русской провинциальной сцены прошлого века.

Писарев родился 2 февраля 1844 года в Кашире и провел ранние годы детства в небольшом имении своего отца, мелкопоместного дворянина. Когда ему пошел двенадцатый год, родители отдали его в одну из московских гимназий.

Уже в юную пору была свойственна Писареву та напряженная работа мысли, без которой он никогда бы не смог стать выдающимся мастером сцены. Этот скромный и молчаливый гимназист по ночам жадно зачитывался книгами. Он уже тогда увлекался Белинским, который на всю жизнь остался для него светочем мысли. (Впоследствии, женившись на П. А. Стрепетовой, он имел от нее сына, которого назвал в честь великого критика Виссарионом.) Из поэтов он больше всего любил Пушкина, Лермонтова, Байрона, а несколько лет спустя с той же горячностью полюбил Некрасова. В кругу знакомых он читал исполненное огня общественного протеста и негодования знаменитое стихотворение Лермонтова на смерть Пушкина, а также декламировал монологи байроновских героев. Как читал стихи юный Писарев? Скорее всего так, как вообще было принято декламировать стихи в Москве 50-х годов - приподнято-торжественно. Об этом можно заключить и из того, что в самой актерской игре Писарева было сначала немало искусственности, "риторичности". По словам автора одной из многочисленных статей о Писареве, помещенных в провинциальной прессе, игра его в начале творческого пути отличалась искусственностью, в ней было "мало естественности" - порок, который Писарев сумел понять и преодолеть.

Впрочем, уже в чтении юного Писарева, вероятно, звучали живые струны, которые заставили обратить на него внимание любителей театра и художественного чтения.

Декламацию его ценил преподававший в гимназии, где обучался Писарев, критик Аполлон Григорьев, познакомивший своего пятнадцатилетнего ученика с Островским. Это знакомство, перешедшее впоследствии в дружбу, явилось одним из важнейших фактов творческой биографии Писарева.

Островский на всю жизнь остался для Писарева любимым драматургом, "его прямым божеством", как пишет Стрепетова в своих "Воспоминаниях". И в старости он сохранял все ту же пламенную любовь к Островскому, или "Александру Николаевичу", как он его неизменно называл, произнося это имя, по свидетельству современника, каким-то особенно теплым, душевным тоном, причем его большие глаза загорались и вспыхивали огнем молодого восторга. Драматургия Островского открыла перед Писаревым широкие горизонты искусства, исполненного, как говорил сам Писарев, "жизни, свежести красок и величайшей правды".

Глубокое впечатление на молодого Писарева произвел М. С. Щепкин, о котором он всегда